

ВЧЕРА я снова пришла к памятнику героям гражданской войны, что находится в центре Тисуля в районном саду. Здесь, под сенью разросшихся яблонь, покоятся останки тридцати трех. Кто они? Точного ответа на этот вопрос, к сожалению, нет. Известны лишь отдельные имена, но на памятнике надписи их нет.

В который уже раз читаю давно знакомые строки:

«Здесь похоронены 33 участника чумайско-тисульского восстания 1918 года. И в боях с контрреволюционной бандой на руднике Центральный 1921 года.

Вечная память героям! Да, память вечная. Люди чтут прошлое, создают музеи, памятники. Но наряду с мемориалами у многих из нас существует сугубо личное, свое отношение к памяти. И у памяти этой есть имя — живое имя конкретного, а не обобщенного, безымянного героя. И есть твердая убежденность, что имя это должно жить вечно. Но...

Казалось бы, 60 лет — не такой уж большой срок для памяти, однако вот — забыли. И стоят на братских могилах в Тисуле, Центральном, Большом и Малом Барандате, Кайчаке обелиски и памятники с «обобщенными» надписями.

В этих братских могилах похоронены участники боя с бандой Олиферова в пос. Центральном 27 января 1921 года. Всего 78 человек. Но память людская сохранила имена примерно лишь трети из них.

...У меня хранится старинная фотография. С потемневшего от времени листка картона смотрят двое храбрых солдат времен первой мировой войны. Один из них — мой дед. На обороте снимка — его рукой — дарственная надпись с непривычными нашему глазу «ятами». На фотографии — след от гвоздя, которым она крепилась к стене. Видимо, была единственным украшением бедной крестьянской избы.

Бог весть, как это удалось, но сохранила фотографию моя мама, осиротевшая в раннем детстве и воспитывавшаяся после смерти родителей в Чумайском детском доме. Вместе с фотографией сохранила и смутный рассказ-воспоминание об январских событиях 1921 года, участниками которых были ее отец и братья матери. Двое из них были убиты, а мой дед остался жив, но крепко застудил на январском снегу легкие, и через несколько лет болезнь унесла его.

Понятно волнение, с каким я ехала в Центральный. В Тисуле мне не удалось (а может быть просто не повезло) найти

ни одной реликвии той поры, ни одной фамилии очевидца тех событий. Данные из архива редакции районной газеты — однообразное повторение общезвестных фактов, к тому же цифры, даты, фамилии людей так противоречивы. И думалось, что именно в Центральном, столь славном своим революционным прошлым, более бережно чтут героическую память наших дедов.

Однако ожидания не оправдались. К памятнику и вовсе подойти не удалось, но издали, по макушке, торчащей из сугроба, было видно, что памятник все-таки есть. Надпись на нем также «обобщенная».

В прошлом году исполнилось 60 лет со дня героической обороны рудника, но событие это в поселке прошло незамеченным (впрочем, в районе тоже). Видимо, сказалась ликвидация рудника, и в связи с этим резкое уменьшение численности населения. Слишком много людей уехало, и память — зачахла.

Однако у меня оставалась еще надежда найти что-либо интересное в многотиражной газете «Приисковский рабочий», издававшейся когда-то на руднике. Редактор ее — И. П. Чуйков — был большим патриотом своего края, интересовался его историей, много писал на эти темы. Под самое-самое честное слово и обещание «только до утра» председатель руднома карьера «Центральный» Георгий Александрович Бышко вручил мне толстенную подшивку бывшей рудничной многотиражки.

Незаметно летели часы. Находки одновременно и огорчали, и радовали. Печаталось в газете, действительно, много интересного, но... в редакционном переложении, порой неудачном. Присутствует то же разочтение отдельных фактов, имен, цифр, дат. Но тем не менее материалы интересны, особенно написанные по статье участника январских событий Н. И. Воробьева и бывшего рабочего 30-х годов, а позднее директора рудника И. К. Питиримова.

...Спасаясь от преследования Красной Армии, недобитая колчаковская банда пробивалась через Марининскую тайгу. Полковник Олиферов лелеял мечту прорваться в Монголию. На своем пути он оставлял сотни человеческих жертв. Многие поселки были сожжены целиком. Численность бан-

ды достигала 530 человек. Большая часть ее — до 300 человек были верховыми. Дорогу по глубокому снегу прокладывали перед ней 400 мобилизованных лесорубов.

Узнав о приближении банды, горняки Центрального решили организовать его оборону. На помощь центральцам прибыли добровольцы из деревень и сел района. Всего набралось около 200 человек (по другим сведениям — 309 человек). Оборону возглавил начальник милиции Константинович (по другим сведениям — Константинов; требуется проверка и имя — Герасим).

Около пяти часов утра 27 января банда охвати-

зан разул и бросили в снег. Решив, что покончили со своими жертвами, бандиты ушли. Первым пришел в себя Воробьев, он помог Константину и Токареву задролить под амбар, где они и дождались прихода наших. Константинович через несколько дней скончался от ран, а Воробьев и Токарев — выжили.

В 7 часов утра 28 января банда собрала и сожгла своих убитых и поспешно начала отступление. Ее преследовали подоспевшие боевые отряды партизан и красноармейцев под командованием Дусе и Шевелева-Лубкова. Через некоторое время банда оказалась за-

ИМЯ ПАМЯТИ

К 200-летию Тисуля

ла рудник полукольцом. Первыми открыли огонь наши постовые, но олиферовцы ответили мощными залпами. Переловые посты центральцев были уничтожены. В отдельных группах защитников рудника поднялась паника, и лишь отряд, укрыпшийся в блолгаузе, сдерживал наступление врага.

Когда, наконец, паника была ликвидирована, рабочие твердо дрались с врагами. Но потери были очень велики. Пришлось отступить. Отступление прикрывали защитники блолгауза. Когда их осталась горстка, решили прорываться к своим. Прорвали первые две цепи, но третья окружила и схватила оставшихся в живых смельчаков: Герасима Константиновича, Николая Воробьева, Прокопия Версенева, Макара Токарева, Ефима Любимова. Их заперли в амбар.

Началась кровавая расправа. Олиферовцы добивали оставшихся на поле боя раненых. Так погибли Волков и Михаил Прокопьев. Бандиты задерживали всех заподозренных в оказании отпора банде. Пленных расстреливали, рубили шашками, кололи штыками. Вот некоторые из установленных имен погибших: Прокопий Соколов, Александр Иванов, Козин, Ведров, Николай Николаев, Прокопий Залюшкин, Герасимов, Егор Заварзин, Иван Носков, Иван Липский, Руденко.

В 12 часов ночи на казнь вывели последнюю пятерку — защитников блолгауза. Первым бандиты истязали Константиновича, которому штыком четыре раза насквозь прокололи грудь. Затем Версенева — искололи и изрубил шашками. Пять ран штыками нанесли Воробьеву. Последними истязали Любимова и Токарева. Изрубленных парти-

затов и почти окруженной. Около прииска Главного (Кундат) наши почти замкнули кольцо, выставив на встречу бандитам 80 лыжников. Олиферовцы попали в западню. Начался бой.

Спасаясь, Олиферов с остатками банды добились своих раненых, перестреляли коней, уничтожили все лишнее и на лыжах ушли в тайгу по направлению к Саралинским приискам (в Хакассии). Все же Главного было уничтожено 400 бандитов. Часть убита ранее на Центральном, остальных выловили поодиночке. Таков бесславный конец колчаковской банды. Сам Олиферов, по одним сведениям, был схвачен и расстрелян, по другим — добрался-таки до Монголии, где нашел смерть, воюя в остатках армии барона Унгерна.

...Перед участниками обороны рудника стояла задача предельно простая — любыми средствами как можно дольше задержать банду до прихода регулярных частей, не дать ей уйти в Монголию. Ценой огромных жертв они выполнили свою задачу. Так была дописана последняя страница в истории восстановления Советской власти в нашем районе.

Более 60 лет прошло с той поры. Окрепла, неузнаваемо выросла и возмужала наша Отчизна. И чем выше ее рост, сильнее могущество, тем более признательной и благодарной памятью должны мы платить всем тем, кто с оружием в руках отстоял завоеванный Октябрем, сражаясь за новый мир, за молодую советскую республику.

Память — это не просто дань уважения, она нужна также нам, живым, — чтобы твердо стоять в любых испытаниях.

С. МОРХОВА.